

Министерство образования и науки России

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Самарский государственный социально-педагогический университет»

Государственное казенное учреждение Самарской области «Дом дружбы народов»

Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре

Сборник статей,
посвященный 30-летию кафедры
философии, истории и теории мировой культуры СГСПУ
и 15-летию ГУСО «Дом дружбы народов»

Самара, 23–25 июня 2016 г.

Самара 2016

УДК 391/395
ББК 63.5
П 68

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Самарского государственного социально-педагогического университета

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *Е.А. Ягафова* (отв. редактор),
доктор филологических наук *И.Б. Казакова*,
кандидат филологических наук *А.Г. Гокина*,
кандидат педагогических наук *В.А. Бондарева*,
кандидат педагогических наук *Е.В. Сафонова*,
кандидат филологических наук *А.Н. Демидов*

**п 68 Праздники и обряды в Урало-Поволжье:
традиции и новации в современной культуре :**
сборник статей, посвященный 30-летию кафедры философии,
истории и теории мировой культуры СГСПУ и 15-летию
ГУСО «Дом дружбы народов». Самара, 23–25 июня 2016 г./
отв. редактор *Е.А. Ягафова*. – Самара : СГСПУ, 2016. –
214 с. , ил.

ISBN 978-5-8428-1066-6

В сборник вошли статьи участников международной научной конференции
«Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной куль-
туре» (Самара, 23–25 июня 2016 г.).

Издание осуществлено на средства РГНФ и ассоциации вузов «Самарский ре-
гиональный научно-образовательный комплекс» (проект № 16–11–63502).

Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-8428-1066-6

УДК 391/395
ББК 63.5

© Самарский государственный
социально-педагогический университет, 2016

© Авторы, 2016

практической конференции с международным участием (10–12 февраля 2015 г.). Казань, 2015. С. 696–706.

58. Ягафова Е.А. Праздничная культура как фактор формирования этнической идентичности чувашей // Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты : мат-лы междунар. науч. конф. 15–17 октября 2015 г. Самара, 2015. С. 185–188.

59. Ягафова Е.А. Праздничная культура чувашей: от традиций к новациям // Этнос. Общество. Цивилизация: IV Кузеевские чтения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. 29 сентября 2015 г., Уфа. С. 153–156.

60. Jagafova E., Bondareva V. Traditional Rituals in Modern Festive Ceremonial Culture of the Chuvash, 10th Annual Conference of the SIEF Working Group on the Ritual Year (Magic in Rituals and Rituals in Magic). Innsbruck, 2015. P. 557–567.

61. Paasonen H. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwaschen gesammelt von Heikki Paasonen, herausgegeben von Eino Karanka und Martti Rässanen, Helsinki, 1949.

Ж. Шакнис

Институт истории Литвы, Вильнюс

Проблемы функционирования традиционных праздников в современном многонациональном городе

Š. Žilvytis

Lithuanian Institute of History, Vilnius

Problems of functioning of the traditional festivals in a modern multicultural city

Аннотация. В статье представлен анализ формирования праздничного времени в современном поликультурном городе. Рассматриваются три праздника, не являющиеся официальными нерабочими днями: Масленица, отмечаемая принадлежащими к различным направлениям христианства; Праздник жатвы – традиционный праздник караимов (этнической и конфессиональной группы); практически лишенный какого-либо этнического или религиозного характера индивидуальный день рождения.

Ключевые слова: город; традиционные праздники; Вильнюс; традиция; инновация.

Abstract. The article deals with the issues of a festive time in a modern multicultural city. The author tries to analyze three festivals, which are not official holidays: Traditional Shrove festival which is celebrated by people of different Christian confessions, Harvest festival of the Karaites ethnic and confessional group Orach Toju and birthday celebration which has almost no ethnic or religious character.

Keywords: city; traditional festivals; Vilnius; tradition; innovation.

Обращаясь к теме праздника, можно вспомнить теоретическое наследие Мирчи Элиаде. Он указывал, что религиозный человек живет в двух временных пластах, и большее значение для него имеет сакральное время, в которое он погружается во время ритуала. Согласно М. Элиаде, и нерелигиозный человек наряду с монотонным рабочим временем переживает время развлечений и удовольствий – праздничное время [3, с. 490]. Мы считаем, что праздничные ритуалы необязательно должны быть связаны с религиозностью. В современном обществе сила ритуала проявляется при передаче смысла праздника и в способности ритуала объединять людей, вызывать определенные эмоции, обусловленные традицией [2, с. 223–241; 4, с. 98].

Различные аспекты функционирования традиционных праздников и выражения инноваций в Литве исследованы, и, тем не менее, ученые достаточно редко обращают внимание на время отправления традиционных праздничных ритуалов. Одно из немногочисленных посвященных данной теме исследований – статья Йонаса Мардосы «Мирское и сакральное

время в литовской деревне: истоки, формы осознания и выражения в XX в.». Й. Мардоса приходит к заключению, что традиционно воскресенье, равно как и вклинивающиеся в рабочие дни религиозные праздники, являлись, согласно пониманию и реальному поведению людей, сакральным временем. Для такого деления на мирское и сакральное время были характерны незначительные санкционированные Церковью отклонения, когда во время праздничного отдыха выполнялись обязательные сезонные хозяйственные работы (помимо домашних работ).

Во второй половине XX в. развитие политического государства и идеологические установки формировали появление сакрального и светского времени в праздничные дни (праздничные дни охватывали как религиозные, так и светские праздники) и уравнивали праздничные дни с выходными, предназначенными для отдыха и работы, что оказывало влияние на образ жизни сельчан, понимание и вариативность реализации сакрального и мирского времени. Это понимание сохранилось и после восстановления независимости Литвы, перехода к независимой сельскохозяйственной деятельности. Так, по утверждению этнолога, на протяжении XX в. осознание и выражение мирского и сакрального времени пережило переход от христианского понимания, основанного на традиционной реализации мирского и сакрального времени, к десакрализованной модели (праздничное время с растущей ролью в его структуре времени, предназначенного для работы и отдыха) [10, с. 24].

Как проходят подобные процессы в городе, для которого характерно этническое, конфессиональное и культурное разнообразие, а работа и отдых большинства жителей которого не регламентируются циклами сельскохозяйственного производства? По словам историка Лаймы Лаучкайте, праздники в Вильнюсе начала XX в. мы можем представить как сеть, в которой переплетаются, переслаиваются различные по своей природе праздники: конфессиональные, государственные, увеселительные. Праздники топографически охватывают места сакрального и профанного и сплетаются в плотный и при этом достаточно противоречивый узор, насыщенный напряжением между различными конфессиями и народами. Крепкую основу сети все еще составляют традиционные религиозные праздники. Но с модернизацией города обновляются и его праздники. Распространяются программные праздники, сочетающие элементы «несерьезных» увеселений в свободное время с более глубокими – филантропическими, национальными – целями [8, с. 475].

С другой стороны, как свидетельствует проведенное мною исследование караимского праздника, государственные, официально признанные нерабочими днями праздники и праздники национальных меньшинств не всегда легко уживаются друг с другом и в наши дни. Следует обратить внимание и на тот факт, что в процессе секуляризации праздничной жизни города все меньшее значение в общественной жизни придается периоду католического адвента и поста, что уменьшает дистанцию между государственным и этническим календарем [13, с. 120].

В данной статье будет рассмотрена проблема функционирования традиционных праздников в многонациональном Вильнюсе.

Вильнюс на протяжении своей истории входил в состав России, Германии, Польши, Советского Союза и Литвы. Менялась этническая и конфессиональная структура города, число жителей быстро пополнялось как за счет прибывших из других стран, так и за счет переселившихся из расположенных в непосредственной близости деревень и местечек. Вильнюс прославляли и объявляли очагом своей культуры не только литовцы, но и поляки, евреи, белорусы, русские, представители других национальностей. В такой поликультурности Вильнюса, как отмечает Ив Плассеро, и выражается богатство и своеобразие этого города [11, с. 126]¹.

Я постараюсь показать, как организуется праздничное время поликультурного города, на основе анализа трех праздников, не являющихся официальными нерабочими днями: отмечаемой представителями различных направлений христианства Масленицы, Праздника Жатвы, традиционного для этнической и конфессиональной группы караимов, и практически

¹ 1-го марта 2011 г. в Литве проживали представители 154 национальностей. 84,2% населения страны составляли литовцы, 6,6% – поляки, 5,8% – русские, 1,2% – белорусы, 0,5% – украинцы и 0,6% – представители других национальностей. Одна из самых малочисленных этнических групп – караимы: сегодня в Литве живет лишь 241 представитель этой национальности [9, с. 20].

не имеющего этнического и религиозного характера индивидуального праздника – дня рождения. Анализ основан на личном наблюдении торжества, полуструктурированных интервью, данных Интернета и письменных источников.

Несколько Маслениц

В последние годы Масленица в Литве стала одним из самых популярных праздников, но это рабочий день. В литовских деревнях католики в начале XX в. праздновали масленицу один день – во вторник, 46-й день до Пасхи. В полночь после праздника начинался пост, во время которого никакие увеселения не допускались, что обуславливало жесткую регламентацию окончания праздника. В советское время на основе западнолитовского сценария проведения Масленицы был сформирован общелитовский сценарий праздника, и новый праздник – «Праздник изгнания зимы» – отмечали во время поста с целью привить религиозной молодежи привычку к увеселениям в запрещенный религиозными обрядами период. После 1990-х гг. сценарий праздника мало изменился, поскольку праздник уже распространился по всей территории Литвы, но было возвращено традиционное время празднования. Следует отметить, что в связи с тем, что праздник приходится на рабочий день, массовые мероприятия чаще всего переносятся на предпраздничный период (до начала поста), поэтому в последние годы ритуал празднования Масленицы можно было повторить несколько раз. Наибольшее количество участников со всех уголков Литвы привлекает Литовский музей народного быта в Румшишкес. Музей часто называют столицей Масленицы. Празднование Масленицы в музее организуют в субботу (раньше организовывали в воскресенье). Участникам праздника помимо традиционных для Западной Литвы хождения ряженых, состязания Сального (Lašininis), символизирующего скоромный период до поста, и Конопляного (Kanapinis), символизирующего пост, сожжения Моры (Morė), символизирующей зиму, блинов, предлагают самим сделать маски, принять участие в викторинах, покататься верхом на выращиваемых в музее лошадях, испытать свою силу в традиционных народных соревнованиях [17]. Похожий сценарий можно было наблюдать и в Вильнюсе, только символ зимы Мора в 2016 г. была не сожжена, а съедена (она была сделана из пончиков). Часть горожан уезжает на праздник в другие места – к друзьям или на родину. В субботу и в воскресенье похожие мероприятия проходят во всех небольших городах, и цель их не поесть досыта и повеселиться перед началом продолжающегося 46 дней поста, но «выгнать зиму». Во вторник также проходят мероприятия, в том числе и с участием президента Литовской Республики, что придает празднику статус официального, несмотря на то что вторник – обычный рабочий день. Во вторник в двери горожан стучат и надевшие маски, разукрасившие красками лица дети. Чаще всего дети декламируют строфу колядки и за труды получают сладости или мелкие деньги [15, с. 83–107].

В последнее время отмечается и Масленица по юлианскому календарю – «Русская Масленица». Так, в 2016 г. традиционное мероприятие, во время которого выступали фольклорные коллективы из Литвы, Польши, Белоруссии, было организовано в Вильнюсе на площади старого города. Праздник собрал не только представителей православных, празднующих Масленицу по юлианскому календарю, – была слышна литовская и польская речь, т.е. в празднике участвовали и те, кто отмечает Масленицу по григорианскому календарю. Следует обратить внимание на то, что «Русская Масленица» проводилась в период католического поста, но в городе специфика поста ощущается не так сильно и не препятствует вовлечению в праздник исповедующих не только православие, но и другие направления христианства, равно как и другие религии.

День рожденья после дня рожденья

День рождения, скорее всего, лишь с натяжкой можно причислить к типичным традиционным праздникам. Даже в Германии, стране, породившей большинство новшеств культуры, празднование дня рождения распространилось лишь в 1930-е гг. [1, с. 262–263]. Следует иметь в виду, что в межвоенный период в деревнях Восточной Литвы празднования дней рождения были очень редки. Не был сформирован и ритуал празднования. Небольшое количество описаний, относящихся к 1918–1940 гг., позволяет говорить о том, что заимствованные у именованных обычаи празднования дня рождения включали возложение венка на голову виновника

торжества или / и на стул, подбрасывание «новорожденного» и угощение с его стороны [16, с. 23–24]. Правда, несколько ранее этот праздник мог сформироваться в городе, где помимо религиозных праздников отмечались и секулярные, в начале XX в. в большинстве своем связанные с личными праздниками императора, его жены, матери и сына (наследника престола): днями рождения, именинами, годовщинами коронации [8, с. 141], что могло подтолкнуть и рядовых горожан праздновать дни рождения.

В ходе сбора материала об обычаях празднования дня рождения молодежью Восточной Литвы было отмечено, что празднование не всегда совпадает с хронологической датой дня рождения. День рождения, как и любой праздник, удобнее отмечать в нерабочий день или накануне его, поэтому чрезвычайно распространен перенос празднования на первую пятницу или субботу (или другой нерабочий день) после дня рождения. В некоторых местах день рождения не отмечают во время адвента и поста. Поскольку в эти периоды нельзя веселиться и танцевать, праздничное угощение и само торжество часто откладывается на период после Рождества или Пасхи [8, с. 70–71]. В Вильнюсе большинство молодых людей в наше время празднует день рождения, не признавая ограничений по времени, хотя некоторые молодые люди в период поста отмечают торжество более скромно [14, с. 102–103]. Тем не менее, анализируя празднование дня рождения в Вильнюсе, я столкнулся и с иным изменением дня празднования. Часто молодые люди празднуют день рождения несколько раз: праздник отмечают с семьей, потом с родственниками. Одна из респондентов утверждает, что празднует день рождения четыре раза: она сама организует празднование с семьей и родственниками, потом с коллегами, третье торжество ей организуют друзья, а в четвертый раз день рождения во вторые выходные после даты рождения респондент празднует с крестными. Похожее явление, исследуя обычаи празднования именин в Польше в конце XX в., наблюдала О.А. Ганцкая [18, с. 166], а Р.К. Уразманова, описавшая праздники татар России, день рождения причислила к «семейным торжествам нового времени», упомянув, что, помимо праздника в кругу семьи и друзей, дни рождения отмечают и в детских садах, и в рабочих коллективах [19, с. 160–162], т.е., скорее всего, каждый может отпраздновать свой день рождения несколько раз.

Праздник Жатвы. 75 лет спустя

Одна из самых малочисленных этнических групп Литвы – караимы. Литовские караимы ведут свое происхождение от древних тюркских племен, входивших в VIII–IX вв. в Хазарское царство и обращенных в караимскую веру. Караимов с тюрками объединяет караимский язык, принадлежащий к кипчакской группе тюркских языков, и общее историческое прошлое. Караимская община в Литве, скорее всего, сформировалась в 1397–1398 гг., когда великий литовский князь Витовт поселил в Литве 380 караимских семей [6, с. 10–13]. В литовских городах караимы живут до сих пор (сегодня караимов в Литве немногим более двухсот человек), некоторые сохраняют и караимский язык. Большинство караимов отмечают религиозные праздники¹, некоторые – праздники, связанные с сельскохозяйственными работами.

До 1938 г. после окончания жатвы (жали рожь) караимы устраивали Праздник Жатвы (Ogach Toju). В день праздника утром в кенессе проходила служба, после службы торжественно освящали венок, накануне сплетенный женщинами из колосьев, и под пение молодежного хора вывешивали его внутри молельного дома, где он и оставался до следующего урожая. В обеденное время все собирались в общинном доме, готовили угощение: каждая хозяйка должна была что-нибудь приготовить. Организовывали и выставку выращенных овощей [13, с. 113–114]. Этот праздник, отмечавшийся в Тракай, исчез после начала Второй мировой войны – последний венок, сплетенный из колосьев урожая 1938 г., висит в кенессе и сегодня [6, с. 50].

¹ Большинство праздников караимы отмечают в молельном доме – кенессе. В советское время кенесса в Тракай была единственной действующей в Европе. Сегодня в Литве две кенессы. Обычно зимой литовские караимы собираются на службу в вильнюсской кенессе, где есть центральное отопление, летом община собирается в тракайской кенессе.

В наши дни была предпринята попытка возродить Праздник Жатвы на сцене. 26 декабря 2013 г. в актовом зале гимназии им. Витовта Великого в Тракай прошел театрализованный вечер, посвященный 75-летию проведения последнего караимского праздника. Культурную программу праздника подготовили караимы, живущие в Литве и Польше. В празднике участвовали фольклорные ансамбли караимов обеих стран. Хор исполнил песню Симона Фирковича (1897–1982) «Орах Тойу», в последний раз звучавшую во время Праздника Жатвы в 1938 г., зрители увидели французскую кадрили Lansje, которую танцевали перед войной в караимской общине, наблюдали, как из колосьев всех злаков, выращивавшихся караимской общиной, плетут венки окончания жатвы. Но, как сообщает описавшая праздник Галина Кобецкайте, «самой большой неожиданностью стало представление новых “артистов”. Мы привыкли видеть на сцене детей или представителей старшего поколения, а в этот раз перед нами были караимы среднего возраста, тщательно произносящие слова текста (представление шло на караимском языке) и наслаждающиеся своими ролями, с которыми они прекрасно справились». После спектакля был показан фильм о подготовке праздника, за фильмом последовало веселье, затянувшееся до ночи [6]. Таким образом, летний праздник община караимов праздновала в удобное время – во второй день католического Рождества, являющийся официальным нерабочим днем и в Польше, и в Литве. Перенесенный на сцену праздник окончился реальным праздником караимов, живущих в двух государствах.

Заключительные замечания

Анализ трех праздников показывает нам, что время праздника утрачивает свое значение. Один и тот же праздник можно праздновать несколько раз в более удобное время. Я согласен с высказанной Либертом Климкой мыслью о том, что современную этническую культуру не следует приравнивать к традиционной или народной культуре, сформировавшейся в литовской деревне в конце XIX в. Традиционная культура, выражая по своей сути ценности образа жизни, присущие аграрной культуре, сегодня утратила материальную основу. В наше время народная культура становится частью элитарной культуры – она перенесена в концертные залы, стала предметом городских праздников, праздников городского сообщества [5, с. 131]. И все же необходимо обратить внимание на «путешествие праздника во времени»: это возможность отмечать праздник несколько раз в году или возможность в удобное для всех время отметить актуальный лишь для небольшого, насчитывающего немногим более двухсот человек, сообщества праздник, традиция празднования которого прервалась 75 лет назад, и придать празднику новый смысл. Исследовавшая праздники чувашей Самары Екатерина Ягафова отмечала, что в городских праздниках самарских чувашей появились инновации, но при этом праздники сохраняют как связь с сезонностью природных циклов, так и функцию – нацеленность на консолидацию этнического сообщества [20, с. 162–172]. Празднование Праздника Жатвы литовскими караимами свидетельствует о том, что консолидация может быть достигнута и при пренебрежении принципом сезонности. И, как показало проведенное исследование, в случае возникновения в поликультурном городе необходимости согласовать праздничное время различных групп населения возможен и перенос его на удобный временной интервал при сохранении силы ритуала.

Литература

1. Beitzl R., Beitzl K. Wörterbuch der Deutschen Volkskunde. Stuttgart, 1996. S. 262–263.
2. Bell C. Ritual. Perspectives and Dimensions. New York, 1997.
3. Eliade M. Šventenybė ir pasaulietišumas. Vilnius, 1997.
4. Helsloot J. Valentino dienos triumfas Nyderlanduose // Lietuvos etnologija. Socialinės antropologijos ir etnologijos studijos. T. 8 (17). 2011. P. 97–116.
5. Klimka L. Pilietišumas ir tautišumas: laiko dimensijos ir aktualijos // Tautišumas ir pilietišumas. Atskirtis ar dermė? Vilnius, 2007. P. 127–141.
6. Kobleckaitė H. Lietuvos karaimai. Vilnius, 1997.
7. Kobleckaitė H. Teatralizuotas vaidinimas // Trakų žemė. 2014. 01. 03.
8. Laučkaitė L. Vilniaus šventės ir pramogos XX a. pradžioje // Imperinis Vilnius (1795–1918). Vilnius, 2009. P. 134–150.

9. Lietuvos gyventojai 2011 metais. 2011 m. gyventojų surašymo rezultatai. Lithuanian 2011 Population Census in Brief. Vilnius, 2012.
10. Mardosa J. Pasaulietinis ir šventinis laikas Lietuvos kaime: ištakos, suvokimo formos ir raiška XX a. // Liaudies kultūra. Nr. 1. 2010. P. 16–25.
11. Plasseraud Y. Mažumos. Tautinių ir etninių mažumų studijų įvadas. Vilnius, 2006.
12. Šaknys Ž. Jaunimo iniciaciniai ir kalendoriniai papročiai // Ž. Šaknys (sud.) Lietuvos kultūra. Dzūkijos ir Suvalkijos papročiai. Vilnius, 2009. P. 63–110.
13. Šaknys Ž. Karaimų kalendorinės šventės valstybinių švenčių aspektu // Lietuvos etnologija. Socialinės antropologijos ir etnologijos studijos. T. 15 (24). 2015. P. 99–128.
14. Šaknys Ž. Ritualiniai metai šiuolaikiniame Lietuvoje: Miesto ir kaimo perspektyvos // J. Mardosa (sud.), Šventės moderniam mieste. Festivals in the Modern City. Vilnius, 2013. P. 100–109.
15. Šaknys Ž. Užgavėnės: a Rural and Urban, Religious, Socialist, and Lithuanian Festival of Shrovetide // Folklore, Electronic Journal of Folklore. Vol. 60. 2015. P. 83–107.
16. Šaknys Ž. Vardadienis ir gimtadienis aukštaičių kultūroje: kartografinis tyrimas // Gimtasai kraštas. Praeities ir dabarties kultūros metraštis. Nr. 1. 2008. P. 21–27.
17. Užgavėnės Rumšiškėse 2016 // URL : <http://renginiai.kasvyksta.lt/5022/uzgavenes>
18. Ганцкая О.А. Польская семья. М., 1986.
19. Уразманова Р.К. Праздничная культура и культура праздников татар. Набережные Челны, 2013.
20. Ягафова Е. Городские праздники самарских чувашей: традиции и модернизация // J. Mardosa (sud.), Šventės moderniam mieste. Festivals in the Modern City. Vilnius, 2013. P. 162–172.

E. Toulouze

Institut National des Langues et

Civilisations Orientales (INALCO, Paris)

Some Ideas About Continuity and Revitalization in the Udmurt Spring Rituals in Bashkortostan

Ключевые слова: восточные удмурты; религия; Татышлинский регион (Башкортостан); обряды; жречество; Назип Сардиев.

Key words: Eastern Udmurt; religion; Tatyshly region (Bashkortostan); ceremonies; sacrificial priest, Nazip Sardiev.

Usually, when talking about the Eastern Udmurt (as well as the Mari or Chuvash), it is customary to mention that they have preserved their ethnic religion, because – living in a compact Muslim area – they have been able to avoid forceful evangelisation [7, p. 332; 2, p. 7; 3, p.108]. While this assertion is undoubtedly correct, there is much more to be said and investigated about this issue. True enough, these communities were not touched by Christianity, so that their religious practice was allowed to endure and would slowly evolve as a result of internal factors. But the Eastern Udmurt, as all of the Soviet Union, could not entirely avoid the powerful atheist pressure put on them by the communist power throughout the Soviet era. How did that influence Udmurt religion? And how has the post-socialist era responded to the spiritual challenges it faced?

In this presentation, I shall focus on mainly one region in northern Bashkortostan, the Tatyshly region, in which nowadays Udmurt religious practice is very much alive. While there are no descriptions of pre-Soviet times whatsoever, we are still able to get lots in information about the Soviet period from informants who are yet alive and this allows us to appreciate the amount of change that has been going on in the last decades.

I shall rely on the two notions of continuity and revitalisation. Revitalisation is seen everywhere nowadays: every year some village rediscovers its local ceremonies; but continuity is also very much present, mainly thanks to an old sacrificial priest, Nazip Sardiev (born 1930), who has continued to hold his village ceremonies without the slightest interruption for 60 years and who has been teaching sacrificial priests the “right” way to do things for the last decades. So, I shall focus as